ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ПИСЬМА В. ЯГИЧА К А. А. ПОТЕБНЕ

Предлагаемые вниманию читателей несколько писем В. Ягича к А. А. Потебне¹ проливают свет на некоторые интересные страницы из истории русского языкознания. Чрезвычайная широта славистических интересов В. Ягича, его длительная и неутомимая научная деятельность (перу Ягича принадлежит более 700 работ), более глубокое и более сложное по сравнению с предшествующим периодом развития славистики понимание задач славянской филологии уже в начале творческого пути Ягича определили его ведущее место в славистике, принадлежавшее ему на протяжении почти всей его шестидесятилетней научной деятельности.

В течение многих лет деятельность В. Ягича была неразрывно связана с Россией. Как известно, впервые он приезжает в нашу страну в 1872 г. и до 1874 г. занимает кафедру сравнительного языкознания и санскрита в Новороссийском университете в Одессе. В 1880 г., после смерти И. И. Срезневского, В. Ягич по представлению Я. К. Грота избирается действительным членом Российской Академии наук и переезжает в Петербург (из Берлина). В Петербургском университете он занимает кафедру русского и церковнославянского языков. Во время своей жизни в Петербурге (переезд в Вену состоялся в 1886 г.) В. Ягич деятельно собирает вокруг себя русские научные силы и является инициатором ряда изданий Академии, в том числе изданий отдельных памятников (из наиболее крупных работ назовем следующие: 2 тома «Источников для истории славянской филологии» — 1885, 1896; Новгородская «Служебная минья 1095—1097 гг.» — 1888; «Пушкин в южнославянских литературах» — 1900). В. Ягич был инициатором и «Исследований по русскому языку», замысел которых относится к 1884 г. Связи В. Ягича с Российской Академией крепнут особенно с 1900-х годов, когда начинается интенсивная деятельность А. А. Шахматова в ОРЯС. Тесный и длительный научный контакт В. Ягича и А. А. Шахматова занимает особое место в истории русской науки². Известно, что Ягич уже в 80-х гг. поддерживает научные начинания молодого Шахматова, который с семнадцати лет сотрудничает в «Архиве» Ягича. Позднее Ягич и Шахматов совместно ведут большую издательскую и организационную деятельность, в частности — подготавливают издание «Энциклопедии славянской филологии».

Еще в 70-х гг. Ягич в соответствии со своим пониманием задач славянской филологии задумывает и осуществляет издание журнала широкого филологического профиля — «Archiv für slavische Philologie», объединившего лучшие силы русской и западнославянской филологической науки того времени³.

Из числа русских ученых к сотрудничеству в «Архиве» Ягич в первую очередь привлекает А. А. Потебню, работы которого в то время еще не были широко известны. В своих «Воспоминаниях» Ягич пишет: «Необходимость иметь сотрудника для „Архива“ побудила меня обратиться в России к человеку, который постоянно занимался русским, особенно малорусским языком с чисто научными устремлениями, строго следуя филологическому методу. Это был Потебня. Я заинтересовался его филологическими, точнее лингвистическими работами, когда был еще в Загребе и Одессе»⁴. Отмечая «прекрасную

¹ Письма эти, хранящиеся в фонде А. А. Потебни Харьковского отделения Центрального гос. исторического архива, переданы в редакцию преподавателем Харьковского пед. института П. Лещенко (в настоящее время работает преподавателем Ровенского пед. института).

² Интересный материал дает переписка Ягича и Шахматова, хранящаяся в архивах нашей страны (частично она опубликована в сб. «А. А. Шахматов. 1864—1920», М.—Л., 1947), а также в архиве В. Ягича в Югославянской академии наук и искусств в Загребе. Проф. И. Хамм любезно передал нам микрофильмы писем Шахматова к Ягичу, относящихся к раннему периоду знакомства ученых. Некоторые из них редакция журнала «Вопросы языкознания» предполагает опубликовать.

³ «Архив» начал выходить в Берлине в 1876 г. Первыми ближайшими сотрудниками В. Ягича по «Архиву» были А. Лескин (в то время профессор в Лейпциге) и В. Неринг (профессор в Бреславе). В. Ягич руководил «Архивом» вплоть до 1918 г., когда ему еще удалось выпустить 18 листов первой половины 37 т., после чего продолжать издание оказалось невозможным [см. М. Сперанский, «Жизненный труд и историко-литературная деятельность И. В. Ягича, отд. оттиск из ИОРЯС, т. XXVIII (1923), 1924, стр. 340].

⁴ В. Ягич и Потебня, Спомени мојега живота, део I, Београд, 1930, стр. 294.

научную объективность Потебни⁵, В. Ягич одним из первых заметил и оценил философское направление мысли этого ученого, хотя творчеству самого Ягича такая направленность не была свойственна. В «Истории славянской филологии» Ягич пишет: «Он стоит, на мой взгляд, в ряду современных с ним русско-славянских филологов очень высоко: трудно указать другого, который мог бы стать в уровень ему по глубокомысленному пониманию явлений языка и по философской пронизательности» (стр. 551). И далее в другом месте: «Философскими рассуждениями о языке по отношению к психическим процессам славянская филология вовсе не богата. Из упомянутых у нас славянских филологов, может быть, глубже всех вникал в вопросы этого рода А. Потебня; у Миклошича сюда относится лишь введение в монографию о безличных глаголах» (стр. 905).

Рецензия В. Ягича на диссертацию А. А. Потебни «Из записок по русской грамматике», помещенная им во втором томе «Архива» в 1877 г. (т. е. вскоре после опубликования диссертации), была по существу первой основательной оценкой труда Потебни, определяющей его место в языковедении того времени⁶. «Достоинства этого труда,— пишет он,— дают ему право на весьма почетное место в ряду довольно немногочисленных изысканий в области сравнительно-исторической литературы; сочинение проф. Потебни является достойным соперником синтаксиса Миклошича»⁷.

Особо отмечал В. Ягич заслуги А. А. Потебни в области русской диалектологии и истории русского языка. Еще при жизни Потебни, в 1889 г., Ягич заметил то новое в его методе, что позволяло Потебне добиваться выдающихся результатов при исследовании. «Чего не доставало Далю, по его собственному признанию,— пишет он,— тем в высокой степени владел глубокомысленный исследователь русского языка и выдающийся диалектолог, профессор А. А. Потебня. Его статьи „Два исследования о звуках русского языка“ (1866) и „Заметки о малорусском наречии“ (1871) представляют собою поворот к чисто научному направлению в исследованиях диалектологических»⁸. В некрологе Ягич называет Потебню основателем научной диалектологии в России и пишет, что «его глубокомысленные синтаксические исследования, которые простирались на все славянские языки, не будучи, к сожалению, доведены до конца, превосходят полнотой и тонкостью наблюдений все, что может указать в этой области славянское языковедение»⁹.

В. Ягич многое сделал для того, чтобы привести в известность труды Потебни и чтобы они получили заслуженное признание; считая это важным, он сам пишет об этом (дважды — в «Истории славянской филологии» и позднее в «Воспоминаниях»): «Пишущий эти строки вменяет себе в некоторую заслугу, что он в 1874 г. осенью, уезжая через Петербург за границу, обратил внимание надлежащих кругов (через Бестужева-Рюмина) на значение исследований А. Потебни, бывших покрытыми мраком неизвестности вследствие того, что они печатались в провинциальных изданиях. Как поздно в России и за границей стали ценить лингвистическую и философско-филологическую деятельность Потебни, доказывает странный факт, что даже Миклошичу большая часть трудов Потебни осталась неизвестной»¹⁰. Ягич многое делает для того, чтобы труды Потебни стали известными и признанными за границей, куда они долгое время почти совсем не попадали. «В особенности по русской литературе невежество поразительное,— пишет он из Вены в 1886 г. А. А. Шахматову.— На днях экзаменовался по „малорусскому“ или, как здесь официально говорят, „рутенскому“ языку студент-галичанин, который не сумел мне сказать ни слова о Потебне, ни о произведениях по истории малорусской литературы. Это невежество характеризует здешних „хохломанов“, как бы называли их в России»¹¹.

Тесный и плодотворный научный контакт В. Ягича и А. А. Потебни продолжался около 15 лет, начиная с 1874 г. Потебня активно участвовал в «Архиве», Ягич переводил его работы, постоянно заказывал ему статьи и рецензии, сам поместил в «Архиве» рецензию на исследование Потебни «Из записок по русской грамматике». Лично Ягич и Потебня так и не встретились.

Переписка В. Ягича, освещающая целую эпоху в развитии славяноведения, издана, к сожалению, еще далеко не полностью. Частично она вошла в сборник «А. А. Шахматов». Обширное издание писем Ягича вышло недавно в Югославии¹².

⁵ И. В. Ягич, История славянской филологии, СПб., 1910, стр. 761.

⁶ Особое значение работы Потебни, новизна его метода были замечены у нас позже; современники же видели в труде Потебни просто хорошее исследование по истории языка, отличающееся самостоятельностью мысли и богатством материала. Ср. отзывы И. И. Срезневского и М. С. Дринова [И. И. Срезневский, Десятое присуждение Ломоносовской премии (труды А. А. Потебни), СПб., 1876; Н. Ф. Сумцов, Выступление А. А. Потебни на ученом поприще и участие в этом деле М. С. Дринова, Харьков, 1904].

⁷ AfslPh, Bd. II, Hf. 1, 1877, стр. 166.

⁸ В. Ягич, Критические заметки по истории русского языка, СПб., 1889, стр. 6—7.

⁹ AfslPh, Bd. XIV, Hf. 3, 1892, стр. 480.

¹⁰ И. В. Ягич, История славянской филологии, стр. 551.

¹¹ Сб. «А. А. Шахматов», стр. 57.

¹² «Korespondencija Vatroslava Jagića», knj. 1, Zagreb, 1953.

В настоящее время в Ленинграде готовится двухтомное издание «Писем Ягича к русским ученым», хранящихся в фондах Архива АН СССР в Ленинграде и в Москве, в Пушкинском доме АН СССР, а также в Центральном гос. историческом архиве в Ленинграде, в Гос. историческом архиве Ленинградской области, в Гос. публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина, в архивах Киева и Одессы. Том первый включает письма В. Ягича к Я. К. Гроту, Ф. Е. Коршу, Ф. Ф. Фортунатову, А. А. Шахматову, А. Н. Пышину, А. Н. Веселовскому, К. С. Веселовскому, И. А. Бодуэну де Куртене, Э. Л. Вольтеру, О. Ф. Миллеру, М. И. Сухомлинову, В. И. Ламанскому, А. А. Кунину, Н. А. Попову и др. (период с 1872 г. по 1886 г.). Полученные редакцией из Харькова письма свидетельствуют о том, что рукописное наследство Ягича полностью далеко еще не изучено.

Из писем Ягича к Потембе опубликовано пока только одно — от 27 марта 1887 г. (сб. «А. А. Шахматов», стр. 85—86). Помещаемые ниже письма публикуются без каких-либо изменений и сокращений и снабжаются подстрочными примечаниями.

О. А. Лантвеа

Г. ординарному профессору А. Потембе

Милостивый Государь,

Одно Ваше примечание, напечатанное в последней книжке «Журнала Министерства Нар. Просвещения», заставляет меня предложить Вам вот некоторые из моих книжек и статей, отдельные отскики которых случайно еще у меня нашлись. Прошу Вас принять их как доказательство того уважения, которое я уже давно питаю к Вам как отличному представителю славянской филологии, умеющему заниматься славянской наукой настоящим научным образом¹.

В. Ягич

(Bendleistraße, 17 B)
24 apr. 1877. Berlin

Милостивый Государь Александр Афанасевич!

Обращаюсь к Вам с просьбою следующего содержания: не хотите ли Вы написать для моего «Архива» рецензию на сочинение только что изданное, А. А. Кочубинского². Вы поверите мне, когда я откровенно скажу, что никого в России, кроме Вас, не считаю компетентным правильно судить об этих тонких, но очень важных вопросах. Мне же было бы очень приятно и лестно считать и Вас участником в моем из чистой любви к славянской науке основанном журнале, направление научное которого, я надеюсь, Вас хоть немножечко удовлетворяет. Вы могли бы, если Вас немецкий язык затрудняет, написать по-русски, я же переведу Ваши слова верно.

Посылаю Вам отдельный отклик из 2 вып. «Архива», продолжение моих исследований о Зографском евангелии³. Интересно было бы узнать, насколько мы теперь сходимся или расходимся в наших взглядах: Вы и я кое в чем изменили свои преж-

¹ В своей рецензии на работы М. Колосова «Очерк истории звуков и форм русского языка с XI по XVI столетие» и Л. Гейтлера (L. Geitler) «Starobulgariská fonologie se stálym zretelem k jazyku Litevskému» А. А. Потемба возражает против толкования ряда особенностей Ассеманьева евангелия как весьма архаических и видит возможность считать их результатом более поздних изменений (А. Потемба, Заметки по исторической грамматике русского языка, ЖМНП, 1873, октябрь). Можно думать, что появление этой рецензии и побудило В. Ягича выслать А. А. Потембе некоторые свои работы. Напомню, что Ягичу принадлежит введение к изданному Ф. Рачким в 1865 г. Ассеманьеву евангелию. Письмо, которое можно датировать концом 1873 г. — началом 1874 г. и отнести к периоду пребывания В. Ягича в Одессе, положило начало последующей оживленной переписке. Сам Ягич позднее считает началом своей переписки с Потемби 1874 г. («Спомени мојега живота», I, 294).

² Речь идет об исследовании на степень доктора славянской филологии профессора Новороссийского ун-та А. А. Кочубинского «К вопросу о взаимных отношениях славянских наречий. Основная вокализация плавных сочетаний: конс. † а, р † † ъ — ъ † конс.» [т. I, Одесса, 1877; т. II (ч. 1) вышел в Одессе в 1878 г.]. Хотя отдельной рецензии на эту книгу А. А. Потемба не написал, в его исследовании «Ueber einige Erscheinungsarten des slavischen Palatalismus» в главе, посвященной славянским сочетаниям *ij, dj*, содержится разбор соответствующей главы книги Кочубинского (AfslPh, Bd. III, Hf. 4, 1879, стр. 601—613). О работе Кочубинского Ягич был очень невысокого мнения. Критические замечания см. в его статье «Zur Frage über den Uebergang des sibenbildenden *l* in *u*» (AfslPh, Bd. IV, Hf. 3, 1880).

³ V. Jagić, Studien über das altslovenisch-glagolitische Zographos-Evangelium, AfslPh, Bd. II, Hf. 2, 1877, стр. 201—269. Первая часть этого исследования помещена там же (Bd. I, Hf. 1, 1876, стр. 1—55). В этой работе рассматривается преимущественно вопрос о звуковом значении ѣ и ѣ в Зографском евангелии.

ние мнения, что, я полагаю, только может служить доказательством, как мы стараемся добиться истины.

Во второй книжке, только что изданной, «Архива» Вы найдете мой отзыв о сочинении Житецкого⁴. Вы несомненно убедитесь в том, что я был слишком снисходителен и щедр на похвалы; но я сообщаяю так, что сначала надо ободрить его, а потом, если этот образ действия не повлияет на него, будем отзываться строже. Впрочем и так из моей рецензии видно, что я большую часть того, что он излагает, отвергаю как недоказанное.

В числе тех, которых Вы знаете, я напому Вам нашего санскритиста Вебера — он еще до сих пор не забыл Вас, он отзывался с восторгом о Вашем участии в его лекциях. Он просит меня кланяться Вам⁵. Желая что скорее получить от Вас несколько слов ответа.

Ваш искренне преданный В. Ягич

24/12 фев. 1878.

Многоуважаемый Александр Афанасевич!

Пора уже поблагодарить Вас за дружескую готовность поддерживать это мое «панславистическое» предприятие участием Вашим, которым я очень дорожу. Ваш манускрипт я уже начал переводить, правда, не буквально, так как кое-что, как мне кажется, можно для «Архива» сократить, однако ж я постараюсь, чтобы все главные мысли Вашего исследования были переданы верно. В свое время я позволю себе, возвращая Вашу рукопись, предложить Вам для проверки и мой «извод»⁶.

В той части, которую я до сих пор внимательно прочел и на немецкий язык переделал, осталось мне кое-что не совсем ясно, иное же менее убедительно. Н. пр., где речь идет о пол. форме *bodze*, правильно ли я Вас понял, что южвр. *dǎbło* Вы объясняете ц.-сл. *z*, т. е. нёбнее, чем *dz*, менее же шипящее, чем *dž*? Стало быть, *z* в слове *plyka* можно обозначить графически *ś*, однако ж и это *ś* вряд ли = *dž*.

Неясно выходит возражение против Гейтлера относительно *s* и *x*. Может быть, лучше было бы этот § пропустить⁷.

Как произносилось церковнославянское *л* и *ж*? Можно ли давать несколько значения графике *e æ*? По крайней мере вторая буква, очевидно, сделана из *e* и *e*. В Зограф. еванг. я отметил форму *пѣтнискъ* = *ποτιος*; псец, как кажется, имел в виду *ж* поместить для передачи греческого *ov*, однако ж прибавил еще и *н*. Нельзя ли болгарское, уже в 17 столетии принятое писание *a = ж* (такова орфография текста, напечатанного мною в IX кн. «Старины»⁸, отдельный оттиск Вы на днях получите) объяснить тоже из *on*, как переход из *o* в *a* после исчезновения носного элемента? У словинцев и кайкавских хорватов *e* (= *л*) до сих пор произносится так, что рот раскрывают гораздо шире, чем у *e* (= *e*), так что в *pet* (пять) слышно очень широкое *e* (*e^a*). Нельзя ли таким же образом объяснять и чешское *ia* (нынешнее *a*) и русское *я* как происходящее то и другое из *e^a* (*pro en, eⁿ*), *e^a*, *i^a*, *a^o*? Как видите, мне не кажется пока Ваше предположение совсем правдоподобным. Я однако ж, разумеется, оставляю Ваше изложение как оно есть⁹.

⁴ См. рецензию В. Ягича на книгу П. И. Житецкого «Очерк звуковой истории малорусского наречия», Киев, 1876 (AfslPh, Bd. II, Hf. 2, стр. 348—363). В своей «Истории славянской филологии» (СПб., 1910) Ягич писал о Житецком: «После Потёбни самым трезвым исследователем малорусским считается П. И. Житецкий» (стр. 895).

⁵ В 1862 г. А. А. Потёбни был послан для приготовления к профессорскому званию в Берлинский университет, где преимущественно «школьным образом», как он сам пишет в своей автобиографии, занимался санскритом у А. Вебера.

⁶ Речь идет об исследовании А. А. Потёбни «Ueber einige Erscheinungsarten des slavischen Palatalismus», написанном в Харькове в январе 1878 г. и опубликованном в изложении Ягича в «Архиве» в 1879 г. (Bd. III, Hf. 2, 4, 1879). На русском языке эта работа вышла в РФВ в 1879 г. и отдельным изданием (оттиском из РФВ) в Варшаве в 1880 г. («К истории звуков русского языка. II. Этимологические и другие заметки»). Возможно, написание этой работы было в какой-то мере связано с настоящими и неоднократными просьбами В. Ягича дать разбор сочинения Кочубинского (см. письмо от 24 апреля 1877 г. и неопубликованное письмо от 10 октября 1877 г.).

⁷ Возражение Гейтлеру сохранено в примечании на стр. 365. В русском варианте статьи оно излагается более подробно.

⁸ «Opisi i izvodi iz nekoliko južnoslovenskih rukopisa» печатались в книгах V (1873), VI (1874) и IX (1877) серии «Starine» (Загреб).

⁹ Почти одновременно с работой А. А. Потёбни В. Ягичем была написана статья «Wie lautete ж bei den alten Bulgaren?» (AfslPh, Bd. III, Hf. 2, 1879). Вопрос о звуковом значении славянских носовых был пунктом непосредственного соприкосновения ближайших исследовательских интересов Ягича и Потёбни. В том же томе «Архива» помещена статья Потёбни «Zur Frage nach dem ursprünglichen Lautwerth der slavischen Nasalvocale», снабженная примечанием Ягича, в котором он прямо говорит о том, что работа Потёбни стоит в связи с его работой о значении *ж* в староболгарском языке.

Что касается до литовского *ir*, я напечатал об этом маленькую статью в 1 вып. III тома «Архива», который выйдет на днях¹⁰. Мне кажется, что изменение литовского *e* в *i* на конце концов не что другое, чем наш церковнославянский *ь* возле *e*, как в *ръци*, *тъци* и т. д. Что Вы приводите транскрипцию литовского *i* через *ы*, это мне кажется та же статья, как в малорусском, когда пишут неопределенный сп. — *мы*, желая предохранить читающего от великорусского произношения сочетания *ми*. И этот § я думаю пропустить¹¹.

Наконец, что до неопредел. шти (= кти, чти), я согласен с Вами в том, что причиною всей измены должна быть гортанная *к*, *г*, *х*, которая не могла исчезнуть, не повлиявши прежде на следующую зубную¹² *t*, повлиять же могла не как *к*, *г*, *х*, а как небная — но которая небная? Отчего не всегда *ч*, *ж*, *ш*? Я думаю, что *ч*, *ж*, *ш*, повлиявши на *t* и изменивши его в *с*, *ц*, *щ*, могли в чешском св. языке из *čs*, *žs*, *šs* произвести *s* (ср. *чесо*, *чесо*, *цо*), в русском же и слов. *чч*, *жж*, *шш* дали *чч* = *ч*, в сербском на конце *čč*, *žž*, *šš* произвели форму *č*—*ћ*. Если в сербском языке бывшее *srdašce* (как пишут рагузейские поэты 15—17 стол.) изменилось в *srdašće*, позвольте мне приблизительно это выразить так: *srdatšise* облегчилось в *srdašće*, то из сочетания *čč* (= *čšš*) могло облегчение произношения сделать еще шаг вперед, отбросивши не только *t*, но и *tš*, или же подобно чешско-польскому *čs* = *s*, т. е. *čšs* = *ts* выбросит средние звуки *išš*, после чего остается *tš* = *č*. Как мизерно, впрочем, все это!

Вот до куда я успел Ваш труд перевести; о том, что дальше следует, после. И в этом своем рассуждении Вы остались верны себе — кто и не согласится с Вами, должен будет признать за Вами необыкновенную наблюдательность и сообразительность. Из кратких замечаний Ваших относительно малорусских виршов о Богдане Хмельницком я сделал маленькую погичию, указав на Вас — надеюсь, что Вы не противитесь такой эксплуатации Ваших частных писем¹³.

Кланяюсь Вам искренно.
Ваш преданный В. Ягич

3 окт. 1878.

Многоуважаемый товарищ.

На днях послано Вам отсюда несколько отдельных отписок той части Вашей статьи, которая напечатана во втором выпуске «Архива» III. Не знаю, насколько Вы будете довольны переводом, сделанным мною с некоторыми сокращениями, — во всяком случае прошу Вас указать мне на те промахи или ошибки, которые м. б. сделаны мною в сжатой передаче Ваших взглядов и объяснений. Вторая половина статьи Вашей теперь набирается и выйдет в 3 выпуске¹⁴.

Я полагаю, что Ваша статья имеет то большое преимущество, что заставляет много думать и задумываться над самыми разнообразными явлениями слав. языков. Кто и не согласится с Вами во всех отдельных толкованиях, все же не может не почитать Вашей тонкой наблюдательности.

Такого же мнения не только я, который с интересом читал и перевел Ваши изложения, но и мой сотрудник Лескин. Как странною напротив мне показалось новое издание фонетики церковнослав. языка Миклошича¹⁵, который, например, все еще учит, что *št* перестановкою произошло из *tš*, и все еще не уважает такое количество данных, доказывающих, что в шт не может быть речи о *t*, но во всяком случае *t'*. Я имел случай говорить об этом с Миклошичем в Вене и он, кажется, начинает сознавать, что не он прав, а Вы и другие, объясняющие это иначе. Вскоре я буду в состоянии возвратить Вам Вашу рукопись; полагаю, что Вы подлинное изложение напечатаете где-нибудь на Руси.

Не знаю, получили ли Вы мою небольшую статейку о значении *х* в фонетике древнеболгарских памятников. Вы, полагаю, заметили, что насчет первоначального значения звуков *л* и *ж* я примыкаю к Вашему мнению, которое в изменении я намерен напечатать в 3 вып. Не увидим ли мы вскоре Вашу критику на Житецкий¹⁶? Издание Зографского евангелия вскоре выйдет и Вы получите от меня эк-

¹⁰ См. V. Jagić, Ueber einen Berührungspunkt des altslowenischen mit dem litauischen Vocalismus, AfslPh, Bd. III, Hf. 1, 1879.

¹¹ В немецком издании опущено, в русском сохранено.

¹² В рукописи: губную.

¹³ В. Ягич поместил в III томе «Архива» (Hf. 1) «Kritischer Nachtrag zu Archiv II. 302», где изложил некоторые соображения Потебни в связи с опубликованным П. Житецким во II томе «Архива» (Hf. 2) текстом украинской «Думы» о Богдане Хмельницком. Житецкий пишет Хмель о *виру*, Потебня предлагает чтение *хвилю-виру*.

¹⁴ Вышла в Hf. 4 III тома.

¹⁵ См. Fr. Miklosich, Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, 2-te Ausg., Bd. 1, Wien, 1879.

¹⁶ Спустя год после рецензии В. Ягича свой подробный и весьма критический «Разбор сочинения П. Житецкого „Очерк звуковой истории малорусского наречия“» (СПб., 1878) опубликовал А. А. Потебня, где он соглашается с некоторыми предположениями Ягича (например, о дифтонгическом характере др.-русск. *ы*, стр. 42).

-земля¹⁷. Не можете Вы мне указать, каким путем и под каким адресом послать бы мне письмо Дринову¹⁸.

Кланяюсь и желаю Вам всего доброго.

Ваш искренно преданный В. Ягич

22 окт. 1880

(Спб., Васил. остров, Волховской переул., 1/2, кв. 26)

Многоуважаемый товарищ!

В то же время, когда проф. Дринов получил мое открытое, а не полученное закрытого письма, было написано мною и отправлено к Вам также письмо, в котором я сообщал Вам о моем совершившемся переезде и просил Вас продолжать со мною наши прежние дружеские отношения, — к сожалению, 5-копеечная марка помешала моему письму прийти на место назначения! Позвольте мне повторить вкратце смысл, не слова, моего тогдашнего письма.

Вы, должно быть, не знаете, сколько колебаний предшествовало моему решению согласиться на сделанное мне отсюда предложение. Уверю Вас, что в числе других аргументов играл немаловажную роль и тот, что я желал Вас видеть в С. Петербурге. Очень жаль, что положение академика 2-го отделения не такое, как 1-го и 3-го, чтобы он мог существовать на одни эти средства. Как охотно бы я уступил университетскую деятельность Вам! Но что до сих пор нельзя было, это, может быть, удастся со временем; ведь не навсегда должна Академия наук остаться в теперешней разрозненности! До тех пор я желал бы Вашего деятельного участия по крайней мере в изданиях Академии наук. На этот счет я должен признаться Вам, я не вполне согласен с тем, как теперь дела идут у нас, я желал бы, чтобы Академия задала себе исполнение академических, т. е. соединением многих научных сил постигаемых задач. Эти задачи заключаются в себе 1-е планы по изданию словарей, 2-е по собиранию материалов для подробного исследования славянских языков, наречий и говоров. По обоим пунктам Вы можете нам оказать большие услуги, если хотите принять и советом и делом участие в наших предприятиях. Вот, например, я как представитель славянских наречий задаюсь планом издания сравнительного словаря слав. наречий. Я рассчитываю на содействие и участие: Гебауера по чешскому, Брикнера по польскому, Лескина по лужицкому, Дринова по болгарскому, Ваше по русскому наречию или языку. Хотите ли Вы посвятить частицу своего времени этому предприятию? Пока у меня план в общих чертах такой: потребовать от Академии назначения известной ежегодной суммы для собирания материалов на карточках. Слова с подходящими примерами и переводом или объяснением следовало бы вносить или записывать на карточки, но по обдуманному плану, со соблюдением всей осторожности. Это могли бы, пожалуй, делать и более развитые студенты под руководством нашим, только нужно бы точно определять им, что и откуда почерпать. У меня еще не выяснилось, в каком объеме должно каждое отдельное слав. наречие войти в такой общий сравнительный словарь. Я не желаю на первых порах слишком обширного труда, только чтобы он скорее был сделан, напр. в течение 4—5 лет¹⁹. Весьма желательно бы узнать об этом Ваше мнение²⁰.

От Дринова я узнал, что Вы теперь заняты вопросом каким-то по народной поэ-

¹⁷ Вышло в Берлине в 1879 г. под заглавием: «Quattuor evangeliorum] codex glagoliticus, olim Zographensis, nunc Petropolitanus».

¹⁸ Марин Степанович Дринов с 1873 г. и до своей смерти в 1906 г. занимал в Харьковском ун-те кафедру славяноведения и был ближайшим сотрудником А. А. Потебни. Основные научные интересы Дринова относились к области болгаристики. Известен он и как автор некоторых лексикографических работ. См., например, его отзыв «О болгарском словаре А. А. Дювернуа» (СПб., 1892).

¹⁹ Став в 1880 г. членом Российской Академии наук, В. Ягич задумывает осуществить в ее рамках ряд широких научных предприятий; в 1881 г. им был представлен проект сравнительного словаря славянских языков, который не был осуществлен.

²⁰ В ответ на это письмо Потебни, сообщая Ягичу о своей работе и планах, писал 1 ноября 1880 г.: «...мне жутко ввязываться в сложную и многолетнюю новую работу. Мне кажется, что для краткости сравнительного словаря необходимы более обширные словари отдельных наречий. Таких нет для малорусского наречия. Материалы не знаю какого достоинства, но довольно обширные, находились до последнего времени в Киеве у проф. Вл. Бон. Антоновича. Он же мне говорил в прошлом году, что под руководством его и некоторых других из этих материалов делались выборки для небольшого мр. словаря (листов 30—40). Что случилось с этим теперь, когда еще неизвестно, возвратился ли Антонович из-за границы на свое место, не знаю. ...Признаюсь, организовать работ я не умею и если бы взялся за собирание материала для словаря (т. е. систематически; спорадически это, конечно, делает всякий занимающийся языком), то пришлось бы выписывать самому. В применении к малорусскому я мечтал этим заняться по выходе в отставку, которого покамест не желаю» (см. В. Ягич и Потебни моего живота, део II, Београд, 1934, стр. 59). После смерти Потебни остались не опубликованные и до настоящего времени материалы для малорусского словаря, имеющие весьма важное значение для изучения восточнославянской лексики и во многом дополняющие «Материалы для древнерусского словаря» И. И. Срезневского.

зии: нельзя ли воспользоваться этим Вашим трудом²¹, которого жду с нетерпением, для «Архива», издание которого я считаю полезным и необходимым и вперед остаюсь его издателем. Желание мое, чтобы здесь при Академии издавался журнал, оказывающийся, по крайней мере на первое время, неисполнимым!

В последнем письме, которому не было суждено попасть в Ваши руки, я предложил Вам написать рецензию на книгу Огоновского — не хотите ли Вы это взять на себя? Было бы очень хорошо!²²

Я желал бы потолковать с Вами также насчет лекций — какой у Вас план? в каком порядке Вы познакомливаете своих студентов с русским языком, в особенности с граммат. его стороною? Как Вы заставляете их заниматься? Но, боюсь, я мог бы Вам надоесть слишком обширным письмом, отлагаю лучше до следующего письма.

Примите уверение в моем искреннем к Вам уважении.

Ваш В. Ягич

1 марта 1884. СПб.

Милостивый Государь Александр! Афанасьевич!

Считаю своим долгом сообщить Вам следующее. По моему предложению на днях порешило 2-е отделение Импер. Академии наук издавать под мою редакцию бес-срочными томами (приблизительно по одному в год) «Исследования по русскому языку», в которых были бы сосредоточены главнейшие труды современных специалистов по русскому языку, поскольку они пожелают участвовать в этом издании. Программа издания довольно широкая: разбор языка отдельных памятников древнерусской письменности; обозрение особенностей языка по столетиям или эпохам или говорам (старого времени по источникам) различных местностей по наблюдениям; исследование источников слов иностранных; объяснение грамматики с точки зрения сравнительной, происхождения этимологического и тонкостей произношения, и т. д. Статьи могут быть маленькие и обширные — до 5 и более листов, вознаграждение получается с листа не менее 30 рублей, и 50 отд. оттисков. Издание должно выходить в приличном виде, в формате и на бумаге Маринского евангелия.

Не знаю, как Вам это нравится, но мне сдается, что если бы такого рода предприятие встретило довольно сочувственного отзыва в кружках специалистов, то временем можно бы кое-что сделать. Было бы очень приятно видеть и Вас в числе сотрудников. Часть Ваших исследований, за которыми все мы следим с большим интересом, могли бы во всяком случае попасть в эти наши «Исследования». Вот и главная цель этих моих строк.

Надеюсь, что Вы получили уже медаль Миклошича — они на днях рассылались из департамента Министерства петербургским подписчикам.

Примите уверение в моем отличном уважении.

Ваш И. В. Ягич

²¹ Речь идет о сочинении Потебни «Объяснение малорусских и сродных народных песен» (I — Варшава, 1883, II — Варшава, 1887), которое он опубликовал несколько позже в РФВ. Оно примыкает к написанному летом 1879 г. и выпущенному в 1880 г. разбору «Народных песен Галицкой и Угорской Руси, собранных Я. Ф. Головацким», а также к ряду ранних работ Потебни. Об этом сочинении Потебни писал Ягичу в том же ответном письме: «Это одна из подготовленных работ для будущих критических изданий произведений народной поэзии. Я думал было печатать это сочинение по частям в „Филол. Записках“ или в „Русском Филол. Вестнике“, но, конечно, предпочту Академическое издание. Поручение Академии рассмотреть сборник Головацкого отвлекло меня от предложенной мною обработки уже, к сожалению, залежавшегося и отчасти выдохшегося моего сочинения о глаголе и заставило обратиться к малорусской народной поэзии, с которой я и начал 20 лет тому назад. Я об этом не жалею, потому что и по этому предмету, здесь в Харькове имеющему свою традицию (Костомаров, Метлинский и некот. другие), пора мне очистить свои счеы». В своих «Воспоминаниях» Ягич пишет: «Не могу себе простить, что я не выполнил его пожелания напечатать его обстоятельное исследование о некоторых видах народных песен в „Сборнике“ Отделения». Объяснялось это, по словам Ягича, холодным отношением к Потебне Веселовского, который не считал его исследование интересным, и нежеланием Грота допускать к печати в «Сборнике» людей, не принадлежащих к петербургскому кругу. (В. Я г и ч, Спомени мојега живота, део II, стр. 60—61).

²² Имеется в виду книга одного из наиболее крупных специалистов того времени по украинскому языку (наряду с Потебней и Житецким) О. Огоновского «Studien auf den Gebiete der ruthenischen Sprache» (Lemberg, 1880). Потебня отвечал Ягичу: «Сочинение Огоновского я бегло прочел. Вы справедливо заметили, что он утрирует особность мр. наречия. У многих это происходит от ложного мнения, что как бы в награду за особность языка сама собою дается письменность. Впрочем рецензию писать не буду, т. к. в последнее время этой частью грамматики не занимался и ничего нового не скажу» (см. В. Я г и ч, Спомени мојега живота, део II, стр. 59—60).

23 февр. 1889. Вена.

Многоуважаемый Александр Афанасьевич!

Извините, что я поздно исполняю долг; давно уже следовало мне поблагодарить Вас за очень любезную присылку Вашего новейшего труда, с первым изданием которого я хорошо знаком²³, и к моему удовольствию замечаю, что и другие сумели оценить его по достоинству. Не знаю, дошла ли до Вас статья д-ра Форсмана из Штрабурга о употреблении неопределенного в Остром. евангелии²⁴? В этой удачной монографии, появившейся довольно неожиданно (по крайней мере для меня) на западной окраине Германии, отдается полная справедливость Вашим глубокомысленным синтаксическим исследованиям! Постараюсь обратить внимание читателей «Архива» на новое издание, изучение которого я поневоле должен был отложить до того времени, когда придется сказать о нем несколько слов.

Переселением в Вену у меня прибавилось много официальных занятий: лекции, трагические занятия, дела слав. филолог. семинария — все это отнимает у меня много времени. Для редакции «Архива» остается немного. Не хочется расстаться вполне и с нашей петербургской академией. Таким образом выходит pluribus retentus²⁵ minor ad singula sensus²⁶.

Наша здешняя молодежь переживает трудное время брожения умов. По национальностям происходит группировка и дробление, постоянные волнения, подстрекаемые органами «общественного мнения», не позволяют большинству сосредоточить свое внимание на специальных науках. В течение трех лет у меня оказался всего на все один многообещающий ученик, словенец Облак, замечательный грамматический талант. Увы — здоровье его уже теперь (настолько) плохое, физические силы надломлены, ожидается и меня такая утрата, какая постигла несколько лет тому назад Вас, когда скончался Ваш ученик Попов²⁷.

Надежды, которые я возлагал на учеников петербургских, знакомых и Вам Григорьева и Ляпунова, не оправдались до сих пор. Григорьеву, должно быть, повредили обстоятельства семейной жизни, Ляпунов какой-то неисправимый *sunctorator*. Жаль, у него довольно солидные познания. Судя по последнему письму его, он заинтересовался тоже вопросами синтаксическими, что мне очень приятно²⁸.

У меня по моей, должно быть, вине прервались сношения с товарищами по специальности. Да их-то очень мало. Но с такими представителями нашей науки, как Вы, многоуважаемый Ал. Аф., было бы приятно побеседовать и чаще. Жаль, что не предвидится, когда мы встретимся для личного знакомства. Меня путь дорога не ведет по направлению к Харькову. Вы не обещаете прибыть к нам, т. е. если не в Вену, так хоть бы в Прагу. Мои занятия ведут меня время от времени в Москву и Петербург²⁹. В ближайшем будущем собираюсь на юг, к сербам и болгарам.

Я теперь печатаю «Рассуждение южнославянской и русской старины о церков-

²³ Речь идет о втором издании книги «Из записок по русской грамматике» (I, II), Харьков, 1888. Первое издание вышло в Воронеже (I) и Харькове (II) в 1874 г.

²⁴ См. Th. F o r s m a n n, Der Infinitiv im Ostromirischen Evangelium, Strassburg, 1888.

²⁵ В рукописи: *rutentus*.

²⁶ «Многим отягощенная мысль менее обращена к отдельному».

²⁷ А. А. Потевня писал В. Ягичу 1 ноября 1880 г.: «Результатами не похвалюсь. Попадают люди, которым не даром читал, но редко. А. Попов, сочинение которого „сравнил. синтаксис именит. и винит.“ Вы заметили, умер 26 сент. от скоротечной чахотки, неуспевший додержать до конца корректуры, своего сочинения. Такая молодость, как казалось, сила физическая, такие обширные планы и соразмерное с ними трудолюбие, и так спореть! Он был стипендиат нашего ун-та и стал бы чеством если не его, то другого русского. Почти в одно время с ним умер от той же болезни другой приват-доцент Андриевский (по латин. яз. и слов.), тоже человек очень молодой и не без дарований, а старое и ничемное два века живет. Вот где тонко, там и рвется» (см. В. Я г и ч, Спомена мојега живота, део II, стр. 60).

²⁸ Б. М. Ляпунов учился у В. Ягича в Петербургском университете. Вместе с рядом своих товарищей-старшекурсников (Д. И. Шаховской, Е. В. Петухов, Н. В. Шляков, П. К. Симион, А. А. Григорьев, А. Тихвинский, Н. А. Смирнов и др.) он входил в кружок славянорусской филологии, находившийся под покровительством и руководством Ягича. После окончания университета в 1885 г. Ляпунов по собственному желанию и рекомендации Ягича переехал в Харьков для слушания лекций Потевни и Дринова. Потевня писал в письме к В. И. Ламанскому 7 февраля 1891 г.: «...Теперь у меня (на дому) 3 слушателя, в том числе один из ваших кандидатов, Ляпунов, который здесь держит на магистра славянской филологии. Из него будет прок» (см. сб. «Памяти Александра Афанасьевича Потевни», Харьков, 1892, стр. 51).

²⁹ В венский период своей деятельности В. Ягич неоднократно приезжал в Россию для личного участия в начинаниях Академии. В 1887 г. он участвовал в Археологическом конгрессе в Ярославле.